

Храпов Сергей Александрович, Копылова Светлана Владимировна

ФЕНОМЕН АГРЕССИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКЕ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

В статье рассматриваются проблемы агрессивной направленности человека с историко-философской и культурно-философской точек зрения. Авторский вклад состоит в обосновании влияния культуры и общества на динамику феномена агрессии и выявлении их значительной взаимозависимости. Итогом исследования являются определение роли социокультурного подхода в осмыслении феномена агрессии, а также вывод о перспективах его нивелирования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/7-1/57.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (33): в 2-х ч. Ч. I. С. 210-214. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

На основе приведенного историко-философского и культурно-философского анализа мы попытаемся дать авторскую интерпретацию религиозного сознания: *религиозное сознание* – это духовный феномен, выражающий интенциональную ценностную сопричастность верующих с Абсолютом, конкретной религиозной системой, определяющий на индивидуальном уровне бытие человека, а на макроуровне – социокультурную динамику. На наш взгляд, подобный подход расширяет методологический горизонт философских исследований религиозной проблематики.

Список литературы

1. **Августин Блаженный.** О Граде Божьем. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. 1296 с.
2. **Августин Блаженный.** Об истинной религии. Теологический трактат. Мн.: Харвест, 1999. 1600 с.
3. **Бердяев Н. А.** Дух и реальность: основы богочеловеческой духовности. Я и мир объектов: опыт философии одиночества и общения. М.: АСТ; Хранитель, 2007. 381 с.
4. **Бэкон Ф.** Новый органон / пер. с лат. и англ. Б. Цируле. Рига: Звайгзне, 1989. 315 с.
5. **Воловик В. И.** Философия религиозного сознания: монография. Запорожье: Просвіта, 2009. 232 с.
6. **Гегель Г. В. Ф.** Лекции по философии истории / пер. А. М. Водена. СПб.: Наука, 2000. 477 с.
7. **Декарт Р.** Начала философии: история философии. М.: Современ. гуманитар. ун-т, 2004.
8. **Кант И.** Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М.: Эксмо, 2011. 734 с.
9. **Леви-Стросс К.** Первобытное / пер., вступ. ст. и примеч. А. Б. Островского. М.: Республика, 1994. 382 с.
10. **Соловьев В. С.** Чтения о Богочеловечестве [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/soloviev/chteniya/01.html> (дата обращения: 30.04.2013).
11. **Храпов С. А.** Социоантропогенез: категория и процесс // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 9. Ч. 1. С. 192-195.
12. **Храпов С. А., Гоголадзе Л. М.** Мировоззренческие основания бодицентризма как тренда современной культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 8. Ч. 1. С. 220-224.
13. **Ясперс К.** Духовная ситуация. М.: ИНИОН, 1990. 214 с.

**“RELIGIOUS CONSCIOUSNESS” CATEGORY CONCEPTUALIZATION
IN HISTORICAL-PHILOSOPHICAL AND CULTURAL-PHILOSOPHICAL DISCOURSES**

Khrapov Sergei Aleksandrovich, Doctor in Philosophy, Associate Professor

Kolesnichenko Il'ya Mikhailovich

Astrakhan' State University

khrapov.s.a.aspu@gmail.com; koles15@mail.ru

The authors set a task to reveal “religious consciousness” category semantic content evolution originality taking into account historical-philosophical and cultural-philosophical approaches, for the first time analyze the historical, anthropological, and social-cultural factors of religious consciousness dynamics, and, as the result of the research, suggest their own interpretation of religious consciousness, expanding the methodological horizon of the philosophical researches of religious problematic.

Key words and phrases: religious consciousness; world outlook; man; God; being; social-cultural dynamics; post-modernism.

УДК 101:316

Философские науки

В статье рассматриваются проблемы агрессивной направленности человека с историко-философской и культурно-философской точек зрения. Авторский вклад состоит в обосновании влияния культуры и общества на динамику феномена агрессии и выявлении их значительной взаимозависимости. Итогом исследования являются определение роли социокультурного подхода в осмыслении феномена агрессии, а также вывод о перспективах его нивелирования.

Ключевые слова и фразы: агрессия; социокультурная динамика; деструктивность; добро; зло; феномен; агрессивный потенциал; индивидуальный и общественный уровни.

Храпов Сергей Александрович, д. филос. н., доцент

Копылова Светлана Владимировна

Астраханский государственный университет

khrapov.s.a.aspu@gmail.com; Chocolate92@inbox.ru

**ФЕНОМЕН АГРЕССИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКЕ:
ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ[©]**

Проблема агрессии на протяжении всей истории человечества была и остается одной из наиболее актуальных, так как последствия этого феномена обладают многосторонней разрушительной силой для человека

и общества. Особую значимость научное исследование агрессии приобрело в начале XXI века в связи с произошедшими социально-политическими, социально-экономическими и иными преобразованиями, повлекшими за собой разнообразные социокультурные конкретные формы проявления агрессии [13]. Социокультурные трансформации в мире в конце XX – начале XXI века повлекли за собой разрушительные последствия во всех сферах жизни общества, что подняло проблему агрессии на уровень выживания страны.

Категория «агрессия» происходит от латинского «aggredi», что означает нападать. До начала XIX века агрессивным считалось любое активное повеление как доброжелательное, так и враждебное. Сегодня под агрессией стали понимать враждебное отношение к окружающим, причем в понятии «агрессия» объединяются различные по форме и результатам акты поведения: вербальные, невербальные проявления, отчуждение, ограничения доступа к социальным ресурсам.

В научном дискурсе Р. А. Бэрн и Д. Р. Ричардсон предлагают использовать категорию «агрессия» для описания «любого вида поведения, нацеленного на причинения вреда или оскорбление другого живого существа, которое стремится избежать такого обращения» [5, с. 29].

Объем накопленных знаний позволяет рассмотреть феномен агрессии в историко-философском и социокультурном аспектах.

Уровень развития агрессивности в первобытных обществах весьма различался. Закон естественного отбора предполагает выживание особей с более развитым интеллектом, агрессивная направленность которых преобладала над пассивным реагированием (избеганием).

Философия Древней Индии базировалась на идеях всеобщего единства, сказывающихся впоследствии в действии плохих и хороших поступков, обуславливающих новое существование живого существа, на стремлении к моральному очищению, созерцанию, отвержению зла. Древнекитайские философы размышляли о гармонии, утверждали идеи всеобщей любви, честности и справедливости. Идеальным человеком – дзюнь цзы – считался тот, кто с помощью воли и разума укрощал свои страсти и вносил гармонию в общество. Но справедливость требует отметить, что уровень агрессивности в древневосточных обществах был очень высок. На наш взгляд, это объясняется доминантой религиозно-этической интерпретации жизни, согласно которой реальная действительность, жизнь человека «здесь и теперь» – бессмысленна и не имеет ценности.

В Древней Греции была создана парадигма протонаучного мышления. Анализ работы Р. С. Брамбо «Философы Древней Греции» позволил нам выделить наиболее значимые тенденции интерпретации агрессии в эту эпоху [4]. По мнению крупнейшего этика Античности – Сократа, – никто не делает зла намеренно, по своей воле, а лишь по неведению и незнанию. Зло – результат незнания истины. Самое большое зло – невежество. В свою очередь, Эпикур утверждал, что быть хорошим означает не только не делать несправедливости, но и не желать этого. Добро заложено в самой природе человека. Смысл добра заключается в преодолении обособленности, разобщенности и отчуждения между людьми, утверждении взаимопонимания, морального равенства и гармонии.

Великий Платон, рассматривая идеальное общество, видел его в осознании и исполнении каждым из слоев и граждан своего природного и законодательного предназначения: т.е. социальная справедливость есть тогда, когда она присутствует внутри каждой человеческой души. Платон выделил четыре типа несправедливого государственного устройства: тимократию (власть военного сословия, или честолюбцев); олигархию (власть богатых); демократию (власть толпы); тиранию (власть тирана). Наиболее неприемлемыми для него формами власти были демократия и тирания. Демократия критиковалась Платоном в силу того, что благодаря демократическим процессам к власти приходят не наиболее мудрые и профессионально подготовленные люди, а субъекты, именуемые им трутнями, часто разжигающими агрессию в обществе.

Аристотель рассматривал человека как общественное существо, «политическое животное», которому присуща инстинктивная устремленность к совместности. Государство подразумевается философом как разумная семья. Естественный способ бытия людей в целях лучшего существования.

Мировоззрение эпохи Европейского Средневековья было основано на идее теоцентризма: Бог – начало всего сущего, он создал мир, человека, определил нормы человеческого поведения. По мнению Августина Блаженного: человек был создан Богом как свободное существо. Однако после грехопадения люди лишились свободной воли, стали рабами своих желаний и уже не могли не грешить. [1, с. 6].

Основатель томизма Фома Аквинский утверждал, что для достижения мировой гармонии необходимо соотношение добра с его противоположностью. Мировой порядок требует существования как грешников, так и хороших людей. Зло – наказание людям за их грехи. В средневековом обществе, связанном религиозными догмами, наблюдается тенденция к усилению агрессивности: многочисленные войны, крестовые походы, инквизиция.

Центральным принципом Европейского Ренессанса было учение о высоком назначении человека: человек, наделенный разумом и бессмертной душой, обладающий добродетелью и безграничными творческими возможностями, свободный в своих поступках и помыслах, поставлен в центр мироздания самой природой. Это учение базировалось на воззрениях античной философии и также отчасти на средневековой теологической доктрине о том, что человек был сотворен по образу и подобию Божьему [7].

Этические поиски гуманистов – понимание и утверждение необходимости дружбы, любви, человечности, подчеркивание блага общества как высшей цели человеческих стремлений – отражали во многом идеалы этой эпохи, закладывали мировоззренческие основы нивелирования агрессии.

В эпоху Просвещения человек рассматривается, с одной стороны, как отдельный, изолированный индивид, действующий в соответствии со своими частными интересами [9]. С другой стороны, философы XVIII века

предлагают вместо них новую, юридическую всеобщность, перед лицом которой все индивиды равны. Во имя этой новой всеобщности просветители требуют освобождения от профессиональных, национальных и сословных границ. В это время формировались современные юридические инструменты ограничения агрессии.

Немецкий философ К. Маркс раскрыл социально-экономические факторы несправедливости и агрессии в обществе. Рабочий отчужден от средств и продуктов собственного труда, от самого себя как человек отчужден от природы и культуры, и чем больше и плодотворнее он работает, тем более могуществен отчужденный от него и подавляющий его социальный порядок [10].

Основоположник психоаналитического подхода к агрессии З. Фрейд проводит различие между инстинктом жизни (либидо) и инстинктом смерти (мортидо). Агрессивное поведение, согласно З. Фрейду, было главным образом связано с неудовлетворенностью сексуальных инстинктов, и в результате бессознательное, по сути дела, сводилось им лишь к сексуальному влечению. Так З. Фрейд писал: «для человека его ближний не только возможный помощник или сексуальный объект, но и предмет соблазна для удовлетворения своей агрессивности» [11, с. 174].

Понятие «агрессия» на сегодняшний день трактуется весьма широко. Определенная ясность была внесена Э. Фроммом, отделившим «доброкачественную» и «злокачественную» агрессии. Под первым видом агрессии исследователь подразумевал агрессию, оправданную с общественной и культурной точек зрения, а под второй – деструктивное стремление причинить боль окружающим ради собственного удовлетворения. Наиболее угрожающим и разрушающим человека и общество фактором является «злокачественная» (деструктивная) агрессия [2; 12, с. 162].

На современном этапе, рост агрессивного потенциала на индивидуальном и общественном уровнях был бы не возможен без его сопряженности с социокультурной динамикой. Политические и экономические трансформации, способствующие формированию агрессивного потенциала в обществе, не только отражались в культуре, но и «черпались» из нее.

Политические и экономические трансформации, способствующие формированию агрессивного потенциала в обществе, не только отражались в культуре, но и «черпались» из нее. Так, К. Шлегель проводит весьма интересные параллели между аксиологизацией агрессии и кризисом буржуазной культуры начала XX века. «Миф насилия и его герой родились не в революции, но в войне, которая ей предшествовала. В «эталонных грозах» Первой мировой войны и в «тотальной мобилизации» тоталитарных систем. Его образ был создан представителями довоенной европейской элиты. Воин – один из основных представителей «героического модерна». Тогда тоже был разрушен уклад, «вчерашний мир» (С. Цвейг). Война воспринималась и пропагандировалась не как гибельная авантюра и катастрофа, а как освобождение, проба мужественности, как демонстрация витальности против отживших форм буржуазного мира, в то время как социальные конфликты интерпретировались в военных понятиях... Все жили ожиданием сверхчеловека, который разрушит мещанский уклад, ожиданием воителя» [14, с. 14]. Подобная интерпретация агрессии и авторитаризма в культуре способствовала их легитимизации, более того, насилие оценивалось как способ существования, противопоставленный культуре буржуазной повседневности, как форма борьбы с ней. Ясно, что подобная аксиологизация агрессии способствовала формированию в индивидуальном и общественном сознании соответствующих идентификационных образцов и ценностных ориентаций.

Помимо противопоставления культуры насилия и культуры «повседневности» («обыденности», «буржуазности»), сверхценности первой и недооценке второй, важным, на наш взгляд, социокультурным фактором становления агрессивных тенденций индивидуального и общественного сознания является нехватка сакрального, вызванная секуляризацией и рационализацией культуры. Потребность в сакральном, символическом, «магическом» всегда была значима для человека. Мы полагаем, что в ее основе, наряду со стремлением преодолеть собственную беспомощность перед жестокостью объективации, лежит стремление человека противопоставить себя окружающему миру посредством его сакрального познания и овладения, это способ утвердить себя в качестве субъекта по отношению к миру – объекту, то есть способ подтверждения своего антропологического статуса как существа «духовного», причастного к некому трансцендентному.

О роли универсализма потребления и рационализации культуры блестяще писал Ж. Бодрийяр. По его мнению, десимволизация культуры привела к утилитаризации бытия человека, редуцированию его экзистенции к витальному уровню. Утилитаризм распространяется даже на такие модусы экзистенции, как любовь, смерть. В современном обществе смерть рассматривается как «естественное прекращение жизни», наступающее вследствие «выработанности всех ресурсов», то есть как акт лишенный всякого смысла, что способствует экзальтированному восприятию случайной смерти (суицид, несчастный случай, катастрофа), в современном сознании она сразу же погружается в символический контекст, особенно это относится к актам агрессии. Ж. Бодрийяр так интерпретирует захват заложников: «политический ритуал первостепенной важности», в котором «воссоздается время жертвоприношения, ритуал казни, неминувность коллективно ожидаемой смерти – совершенно незаслуженной, а значит, всецело искусственной и потому безупречно соответствующей жертвенному обряду... Мы все заложники – вот в чем секрет захвата заложников, и мы все мечтаем не просто тупо умереть от износа, а принять и подарить свою смерть» [3, с. 294]. Подобное объяснение терроризма как наиболее опасной формы проявления агрессивных тенденций кажется, на первый взгляд, сомнительным, но, мы полагаем, что оно позволяет в некоторой степени объяснить его масштабность в современном мире, во всяком случае, помимо, политических и экономических причин, раскрывает его культурно-мировоззренческие основания.

На наш взгляд, терроризм и рост агрессии в целом – это не только следствие политической, экономической и культурной конфликтности, сколько реакция определенных слоев общества на масштабную тотальность

постиндустриализма во всех его формах: идеологического, политического и экономического, – выражающихся в нивелировании любой субъективности: индивидуальной, этнической, культурной. Это протест против чуждой картины мира, против чуждых футурологических образов. Осознание манипуляционного потенциала и всей опасности «однообразного мира» приводит к формированию в общественном сознании представления о современном обществе как обществе спектакля, где каждый должен играть роли, распределенные без его участия.

Данная ситуация обостряется и тем, что снято культурное обоснование социально-экономической дифференциации общества на «богатых» и «бедных». Здесь следует отметить, что исторически эта дифференциация была всегда, но, на наш взгляд, она была другого качества: во-первых, секуляризация сознания сняла не только религиозные обоснования неравенства, но и нивелировала силу религиозных норм, например, таких как «не завидуй», «не кради», «не убивай»; во-вторых, в условиях формирования у значительных масс людей трансграничной идентичности, утраты «корней», проживания в культурно-эkleктичной среде возникли новые типы мировоззрения и адаптационных стратегий, далеко не исключающих проявления авторитаризма и агрессии; и, в-третьих, справедливость требует заметить, что общество «не очень» стремится к культурной ассимиляции иммигрантов и создает им далеко не равные условия существования, а «подобная несправедливость» является дополнительным обоснованием для агрессивного поведения в отношении местных жителей.

Помимо культурных, социально-политических и экономических факторов, огромную роль в формировании агрессивности современного человека играют и, собственно, субъективные, индивидуальные причины, массовый характер которых позволяет говорить уже о социально-антропологическом измерении данной проблемы. Под социально-антропологическими предпосылками фиксации агрессии в обществе и различных типах сознания мы имеем в виду ряд поведенческих установок и стилей восприятия себя и других. В частности, можно выделить пассивные и активные агрессивные установки. Пассивную позицию занимает человек, «плывущий по течению», равнодушный к другим. Такой тип личности склонен к социальной мимикрии, что особенно destructively проявляется, если он формируется в маргинальной среде. Весьма опасна и активная установка человека, сознательно избирающего авторитарные и агрессивные адаптационные стратегии, позволяющие быстрее и легче добиться «успеха», то есть власти и богатства, что для нашей страны очень актуально.

Часто человек формирует и проявляет агрессивную направленность именно в силу стремления продемонстрировать авторитарную позицию по отношению к объекту агрессии. В свою очередь авторитарная позиция часто обусловлена ощущением собственной слабости, личностной несостоятельности, какой либо неполноценности. Авторитарная позиция приводит к духовному опустошению личности, зависимости от объекта – подчинения. Становление агрессивных тенденций непосредственно, связано со спецификой всей системы личности: характера, ценностных ориентаций, Я-концепции, личностной картины мира, потребностей, мотиваций, поведенческих стратегий. Влияние социальной среды на формирование данных структур человека несомненно, тем не менее, его нельзя рассматривать с позиции абсолютного детерминизма, ибо следование ему приводит к пониманию человека как объекта, а не субъекта. Антропологический статус человека требует наличие и реализации субъективности. Именно эта субъективность, индивидуальность объясняет, почему одни люди обладают агрессивной направленностью, а другие – нет. Многочисленные примеры противостояния человека destructивной социализации (назовем наиболее яркие – А. Солженицын, В. Франкл и др.), а также деградации личности в конструктивной среде свидетельствуют о наличии или отсутствии такого индивидуального фактора, как духовная сила человека, в наибольшей степени характеризующая человека как субъекта и духовного существа. Рост числа людей с агрессивной направленностью свидетельствует об их духовном бессилии перед объективацией агрессии и авторитаризма в современном мире и России, в частности.

К факторам формирования агрессивной направленности постсоветского человека следует также отнести неверно истолкованную свободу. «Марш» либеральных ценностей по всему миру без соответствующей культурной почвы привел к тому, что в массовом и индивидуальном сознании свобода интерпретируется как вседозволенность, как сверхценность для тех, у кого ничего больше нет. Эта ситуация способствует как выплеску насилия в политических, националистических конфликтах. В силу общественных трансформаций постсоветской России роль маргинальности в становлении агрессивной направленности человека все возрастает.

Мы считаем неверной установку косвенного оправдания человека агрессивного, согласно которой он «таков», поскольку сформировался в девиантной среде, так и общества, которое признает объективность существования такой среды и не предпринимает никаких усилий для ее системного нивелирования. Более того, в нашем обществе часто девиантность интерпретируется как имманентный признак маргинальности, хотя это не всегда так. Именно отчужденное восприятие обществом маргинальной среды, демонстрация по отношению к маргиналам авторитарной позиции укореняют в ней девиантность: деление общества на «благополучное» и «маргинальное» приводит к формированию в общественном сознании и субкультурах последнего специфических ценностей, норм, адаптационных стратегий и идентификационных образов, *a priori* противоположным нормам и ценностям «благополучного общества» не только в силу системной девиантности маргинальной среды, но и в силу их социального противостояния. Массовая фиксация данных агрессивных тенденций в индивидуальном сознании, способствует их закреплению на уровне субкультур, группового и даже общественного сознания, об этом свидетельствуют высокие рейтинги фильмов со сценами жестокости, легитимизация криминальной культуры. Агрессия полностью исчезнуть не может. Её масштабы можно существенно нивелировать только с изменением социальных условий, устранением возможности господства одной группы над другой, когда исчезнет атмосфера черствости и духовной глухоты.

На наш взгляд, именно мировоззренческий кризис определил социокультурную динамику агрессивности. Соответственно, решение вопроса нивелирования агрессии возможно только в рамках социокультурного подхода и широкого междисциплинарного анализа: философского, психологического, социального, юридического и т.д.

Список литературы

1. **Августин Аврелий.** Исповедь / пер. с лат. М. Сергеев. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. 526 с.
2. **Богдан С. С.** Человеческая деструктивность как форма агрессии: экзистенциально-гуманистический подход // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 3. Ч. 2. С. 20-23.
3. **Бодрийяр Ж.** Символический обмен и смерть / пер. с фр.; вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
4. **Брамбо Р. С.** Философы Древней Греции. М.: Центрполиграф, 2010. 347 с.
5. **Бэрн Р., Ричардсон Д.** Агрессия. СПб.: Питер, 2001. 352 с.
6. **Гуревич П. С.** Шопенгауэр А. // Философские науки. 1997. № 1. С. 109-111.
7. **Гусев Г. А.** Философия возрождения. М.: Изд-во МСХА, 2002. 95 с.
8. **Машкин Н. А.** История Древнего Рима. М.: Директ-Медиа, 2008. 752 с.
9. **Огурцов А. Г.** Философия науки эпохи Просвещения. М.: Наука, 1993. 268 с.
10. **Розенберг Д. И.** Комментарии к «Капиталу» Маркса. М.: Наука, 1993. 268 с.
11. **Фрейд З.** Психоаналитические этюды. М.: АСТ, 2004. 295 с.
12. **Фромм Э.** Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 2004. 635 с.
13. **Храпов С. А.** Динамика индивидуального и общественного сознания в контексте современной феноменологии агрессии // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 7. С. 56-60.
14. **Шлегель К.** Новый порядок и насилие. Размышления о метаморфозах насилия // Вопросы философии. М.: Наука, 1995. № 5. С. 12-19.

**PHENOMENON OF AGGRESSION IN SOCIAL-CULTURAL DYNAMICS:
HISTORICAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS**

Khrapov Sergei Aleksandrovich, Doctor in Philosophy, Associate Professor

Kopylova Svetlana Vladimirovna

Astrakhan' State University

khrapov.s.a.aspu@gmail.com; Chocolate92@inbox.ru

The authors consider the problems of human aggressive orientation from historical-philosophical and cultural-philosophical points of view, substantiate the influence of culture and society on the dynamics of aggression phenomenon, reveal their considerable interdependence, as a result of the study determine the role of social-cultural approach to the understanding of aggression phenomenon, and come to the conclusion about the prospects of its leveling.

Key words and phrases: aggression; social-cultural dynamics; destructiveness; good; evil; phenomenon; aggressive potential; individual and social levels.

УДК 340.13

Юридические науки

Статья посвящена анализу существующих в отечественной юридической науке понятий позитивной юридической ответственности. Основное внимание акцентируется на рассмотрении позитивной ответственности как правоотношения (общего и конкретного). Делается вывод, что общие правоотношения позитивной ответственности проявляются во взаимном правомерном (законном) поведении субъектов правоотношений, конкретные правоотношения имеют место при действии поощрительных норм.

Ключевые слова и фразы: юридическая ответственность; позитивная ответственность; ретроспективная ответственность; правоотношение; субъекты правоотношения.

Чернова Елена Геннадьевна

г. Кемерово

helen_black2008@mail.ru

**ПРИРОДА ПОЗИТИВНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ[©]**

Первоначально в юридической науке значительное число работ было посвящено ретроспективной (негативной) юридической ответственности как ответственности за прошлое деяние, которая наступает в результате нарушения тех или иных правовых норм, относящихся к различным отраслям права. Долгое время проблема ответственности была преимущественно предметом внимания правоведов именно в этом аспекте.

Позитивная (перспективная) сторона юридической ответственности начинает рассматриваться в отечественной философской литературе с середины 60-х годов XX века в работах Р. И. Косолапова, В. С. Маркова, В. П. Тугаринова, А. П. Черепниной и др. В наибольшей степени речь шла об ответственности гражданской.